

**Собрание сочинений графа Е.
А. Салиаса**

Том 17

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С54

С54   Собрание сочинений графа Е. А. Салиаса: Том 17 / – М.: Книга по Требованию, 2014. – 390 с.

ISBN 978-5-458-52663-0

Собрание сочинений графа Е. А. Салиаса. Том 17. Пятое колесо. Былые гусары. Избушка на курьих ножках. Сенатский секретарь.

ISBN 978-5-458-52663-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

На углу кривого, глухого переулка и площадки, скверно вымощенных, противъ церкви Успенія Богородицы, убого приютился маленькій деревянный сѣроватый домикъ. Обвалившіеся кое-гдѣ доски обнажили срубъ, черный и загнившій; окна покосились... Ворота съ калиткой и заборъ, покачнувшись и повиснувъ къ сторонѣ улицы, были подперты въ двухъ мѣстахъ толстыми бревнами. Двѣ желтыя жестянки на столбахъ воротъ гласили: одна—что этотъ домъ принадлежитъ мѣщанину Сивцову, другая—свободенъ отъ постоя.

Внутри ветхаго домика, въ трехъ комнатахъ, съ кисловагодохлою атмосферой, жилъ Ѳедосѣй Иванычъ Сивцовъ, съ женой и двумя сыновьями, Петромъ и Павломъ.

Сивцовъ былъ высокій и худощавый блондинъ, съ просѣдью и маленькою плѣшью на маковкѣ, лѣтъ сорока, бывшій крѣпостной богатаго барина, вышедшій на волю въ качествѣ двороваго человѣка, не воспользовавшись при этомъ ни клокомъ земли. Крестьяне той деревни, изъ которой онъ былъ когда-то взятъ во дворъ, получили, по уставной грамотѣ, полторы десятины на душу, а „Ѳедошка“ получилъ только, да и то случайно, барскіе сѣрые съ лампасами брюки изъ аглишской матеріи и желтую фуляровую жилетку... На счастье Ѳедошки, онъ, будучи взятъ „во дворъ“, попалъ подъ команду стараго дворецкаго, который началъ кормить его

ежедневно десятками колотушекъ и затрепцинь, но за то и обучилъ всему на свѣтѣ... Ѳедошка чрезъ десять лѣтъ умѣлъ читать и писать, умѣлъ орудовать въ оранжереяхъ съ цвѣтами и въ огородахъ съ овощами, умѣлъ играть на гитарѣ, умѣлъ пѣть на клиросѣ обѣдную и всенощную, и, кромѣ того, читать изрядно Апостола, и, наконецъ, главное—умѣлъ скроить и шить всякое платье.

Наконецъ, этотъ Ѳедошка, когда сталъ Ѳедосѣемъ, умѣлъ—умѣть!.. Со дня и часа, когда онъ узналъ отъ становаго пристава на деревнѣ и отъ батюшки въ храмѣ, что „вышла воля“, онъ двинулся изъ деревни, имѣя только одно право неотъемлемое—итти въ барскихъ брюкахъ съ лампасами на всѣ четыре стороны. Но бѣда была въ томъ, что у вольнаго, но безземельнаго Ѳедосѣя уже была жена и двое мальчишекъ. Съ этого дня и часа онъ перепробовалъ вахлять все, что только даетъ въ руки и въ ротъ кусокъ хлѣба. Всякое дѣло онъ перенималъ быстро и вахлялъ изрядно, ни хорошо, ни дурно. Онъ былъ убѣжденъ, думалъ и говорилъ, что „все можно сдѣлать, только постараться“.

И вотъ, занимаясь всѣмъ и ничѣмъ въ особенности, прежній Ѳедошка сталъ Ѳедосѣй Ивановичъ Сивцовъ, московскій мѣщанинъ и домовладѣлецъ. Его знакомая и пріятельница, просвирия приходской церкви Успенья, постригшаяся вдругъ въ монастырь, продала ему домикъ свой за тысячу рублей въ расрочку на десять лѣтъ.

Хозяйка, жена его, маленькая, толстая, но легкая на подъемъ, орудовала по хозяйству и сновала по дому и по двору, переходя и зиму и лѣто въ одномъ и томъ же платьѣ отъ полыми раскаленной русской печки, гдѣ варился обѣдъ, прямо на морозъ, въ ледникъ или въ сосѣдную лавочку. Хозяинъ сидѣлъ въ углу горницы и сапѣлъ надъ починкой замка дверного, или гитары, или картуза.

Но это были минуты отдыха, а не работы. Работа, которою онъ теперѣ жилъ, было временное званіе причетника, за болѣзнь дьячка его прихода. До замѣны дьячка Сивцовъ жилъ исключительно портняжествомъ, но безъ вывѣски... „Такъ! Кто что дастъ спать!“ Въ день выздоровленія дьячка Сивцовъ предполагалъ наняться конторщикомъ въ магазинъ или поваромъ въ клубъ... А то опять портняжничать...

— Мы не пропадемъ, говорилъ онъ.

Жена изо всѣхъ занятій своего Ѳедосѣя Иваныча предпо-

читала портняжество, ибо отъ этого ремесла и двое ихъ мальчишекъ, Петька и Пашка, бывали одѣты. Правда, что у любимца отца Петьки была суконная куртка черная съ зелеными рукавами. Да вѣдь даровому коню въ зубы не смотрятъ.

Два мальчугана, Петька и Пашка, были удивительно похожи. Многие думали, что братья близнецы по рожденію. Оба одного роста, оба свѣтловолосые, бѣлые и румяные, что называется бѣлобрысые, пухлые въ щекахъ и съ полнотой въ тѣлѣ, свидѣтельствующею о попеченіи матери, выражавшемся всегда въ кормленіи. Какъ кормила она ихъ по рожденіи грудью до полутора года чуть не силкомъ, такъ кормила и теперь что называется „на убой“, въ особенности Пашку любимца.

Пашка, младшій сынъ, былъ немного притче брата, развязнѣе, словоохотливѣе съ чужими, озорнѣе съ сосѣдними ребятами, и поэтому конечно больше куралесилъ и дома.

Петька былъ угрюмѣе, неповоротливѣе, будто степеннѣе и тише, но въ сущности лѣнивѣе и по нраву мечтатель. Онъ былъ любимцемъ отца потому только, что любилъ музыку. Когда отецъ игралъ на гитарѣ, Петька сидѣлъ смирно. Проворный Пашка, наоборотъ, никогда вынести не могъ музыки и спасался отъ нея вонъ изъ дому, а прежде, лѣтъ двухъ отъ роду, онъ даже начиналъ завывать отъ гитары отца благимъ матомъ, какъ собака воетъ отъ фортепiano.

Өедосѣй Иванычъ считалъ своего Петю умнѣе брата, глубокомысленнѣе, и возлагалъ на него всѣ свои надежды въ будущемъ. Ни слова не говоря женѣ, мѣщанинъ рѣшилъ, что Петѣ не быть мѣщаниномъ.

„Есть такія двери, чрезъ которыя пройдя, всякій мужланъ выходитъ въ господа и генералы!“ соображалъ и мечталъ Сивцовъ.

И вотъ въ эти-то двери онъ твердо рѣшилъ направить своего Петю, глубоко вѣря, что со временемъ будетъ у него сынъ баринъ; такой же, каковъ былъ его собственный баринъ, отъ котораго онъ при выхожденіи на волю получилъ англискіе брюки. Разумѣется, дѣло это отлагалось до того времени, когда Петѣ минетъ 11 или 12 лѣтъ. А пока Сивцовъ училъ уже сына грамотѣ, заставлялъ читать Апостола, заставлялъ писать по линейкамъ.

Сначала мать не обращала вниманія на эти уроки и не

думала о томъ, зачѣмъ собственно мужъ своего любимца пытается грамотой, совсѣмъ чловѣку не нужною „ни на какого дьявола“. Самъ Петька не очень былъ радъ, что любовь и предпочтеніе къ нему отца выражается въ обученіи грамотѣ. Къ тому же и усвоивалъ мальчуганъ грамоту туго и съ трудомъ. Пашка былъ очень доволенъ, что не учился, хотя, прислушиваясь въ зимніе вечера къ ученію брата и объясненіямъ отца, понемногу выучился тоже, и не хуже брата.

Однажды, когда Пашка случайно похвастался предъ матерью своими познаніями, прочитавъ ярлыкъ на банкѣ варенья, Сивцова диву далась и руками развела.

— Да какъ же это ты, Паша... Вѣдь тебя тятка не обучала.

— А я, мамка, про себя обучился... Слухаючи.

— Какъ про себя?.. Коли охота у тебя была, сказался бы, тятка бы и тебя стала учить... Скажись ему...

— Какая охота. Эвоя! Что ты! воскликнулъ Пашка, отмахнувшись обѣими руками и даже шарахнувшись отъ матери.

— Такъ почему же обучился, коли охоты не было?

— Съ тоски! Отъ одури, что ль?..

И Пашка объяснилъ, что онъ волей-неволей выучился читать „про себя“, ибо по цѣлымъ часамъ „слухаючи“ то, что вколачивалъ отецъ братишкѣ, его такая одурь брала, что онъ нехотя все запоминалъ.

Это открытіе подѣйствовало на мать, но не имѣло никакого значенія въ глазахъ самого Сивцова. Онъ не повѣрилъ, что Пашка выучился „отъ одури“ и „про себя“, и провѣрять познаніе младшаго сына даже не сталъ...

— Гдѣ ему выучиться! Все вретъ. Ему бы вотъ въ бабки играть, да на заборяхъ штаны рвать.

Наконецъ минуло Петькѣ 13 лѣтъ, а Пашкѣ 11, Пашку отецъ отдалъ въ обученіе, ради угомона, чтобы не свертѣлся мальчишка совсѣмъ отъ праздности и озорства. И сталъ Пашка паренькомъ въ мелочной лавкѣ, на побѣгушкахъ и на посылкахъ.

— Покудова! сказала Сивцова.—А тамъ видно будетъ, въ какое мастерство его опредѣлитъ.

Петькѣ, любимцу, выпала совсѣмъ иная доля.

Его свезли въ „гимназію“, сшили ему мундиръ со свѣтлыми пуговицами и съ серебрянымъ воротникомъ и форменную

шпапку. День, въ который Петя въ первый разъ облачился въ мундиръ и пошелъ въ гимназію—былъ одинъ изъ счастливейшихъ дней въ жизни Сивцова.

Онъ видѣлъ любимца-сынишку на той дорогѣ, гдѣ тѣ двери, чрезъ которыя проходятъ въ баре и генералы.

Мать вздыхала и молчала. Но если бъ у нея спросить, что она мыслить или чувствуетъ, то, вздохнувъ, она не съумѣла бы отвѣтить ничего.

Смутно ей казалось, что оба парня сына не на мѣстѣ. Отдать бы ихъ къ сапожнику, къ портному, ну, хоть вотъ поблагороднѣе, къ кондитеру, что ли, гдѣ и конфекты и пряники дѣлаютъ.

Лавочникъ, къ которому поступилъ Пашка, былъ пузатый и сдобный мѣщанинъ съ круглою русою бородою и ласковыми бѣлыми глазами. Онъ постоянно, безъ видимой причины, улыбался всему и всѣмъ, и знакомымъ, и покупателямъ, и даже полицейскимъ, которые забирали товаръ въ кредитъ, но безъ записи въ книжки.

Хозяинъ, Кузьма Ильичъ, обращался съ Пашкой серьезно, приказывалъ кратко, едва шевеля губами, односложно и однозвучно, но не замучивалъ зря, не дрался, даже и не ругался...

— Не зѣвать. Не зѣвать, паренекъ. Добѣги-т-ко, паренекъ... Отпусти-т-ко, два фунта, паренекъ... Погляди-т-ко, паренекъ, повторялъ хозяинъ однимъ и тѣмъ же тономъ день-деньской...

— Эхъ, паренекъ, опростоволосился, наболванилъ, сдурить, замѣчалъ хозяинъ, вздыхая, но даже не досадливо, и какъ бы обращаясь не къ Пашкѣ, а къ судьбѣ или велѣнію Божьему.

Только разъ переимѣнилось у хозяина лицо, измѣнился и голосъ, и онъ сказалъ Пашкѣ:

— Ну, паря, въ другой разъ я тебѣ за такое столько вихровъ надеру, что на волосяной матрацъ хватить.

Да и была причина. Пашка, отпуская керосинъ, пролилъ, поджогъ пролитое, чуть самъ не сгорѣлъ и чуть лавку съ товаромъ не спалилъ.

Когда Сивцовъ навѣдывался повидать Пашку, спросить, доволенъ ли имъ хозяинъ, что случилось рѣдко, то лавочникъ отзывался кратко...

— Ничего, навькаеть. Полагать надо, прочный парень.

„Прочный“ означало, что въ Пашкѣ прокъ будетъ, что онъ выйдетъ въ прикапчики, а тамъ гляди и свою лавку откроеть, какъ всегда бываетъ.

II.

Пашкѣ дѣло лавочное нравилось и онъ скоро совсѣмъ обогатился. Его подвижному и приткому нраву было не мудрено проводить день-деньской на ногахъ, встрѣчать и провожать всякій народъ, отвѣшивать, отрѣзывать, отмѣривать, отругиваться и отшучиваться, и вообще служить. Кормиль его хозяинъ хорошо, въ волю, сколько влѣзеть; всякую провизію, которая начинала портиться, хозяинъ позволялъ съѣдать, и самъ конечно помогаль.

— Все равно собакамъ бросать. Упиши, паренекъ.

И Пашка уписываль за обѣ щеки и рыбу „съ духомъ“, и зелененькій творогъ, и медъ съ „отдачей“, и ветчину съ червячкомъ, и все, что было не годно въ продажу, но было не смертельно.

За это же время Петька сидѣль на лавкѣ въ гимназіи, но его всѣ звали уже по фамиліи, и онъ скоро привыкъ отвѣчать на зовъ, хотя сначала ему казалось диковинно, что его уже зовутъ какъ отца его: Сивцовъ.

Уроки мальчуганъ училъ съ трудомъ, отецъ помочь много не могъ, ибо „пошла матерія“, которой онъ и самъ не осиливаль: Федосѣй Ивановичъ только наблюдалъ, чтобы сынишка зубрилъ уроки, но выучилъ ли онъ заданное, когда идетъ въ гимназію, или нѣтъ, и какъ выучилъ — этого мѣщанинъ знать не могъ. Черезъ два мѣсяца Петька отсидѣль уже раза четыре въ карцерѣ.

Сивцовъ всполохился и сходилъ въ гимназію справиться, но объяснился онъ больше со швейцаромъ, а не съ начальствомъ. Швейцаръ, старый солдатъ, за двугривенный все разузналь и разсказаль Сивцову:

— Балы его совсѣмъ дрянные. Двоекъ много по всѣмъ предметамъ, есть и единицы. Вы его дома ожгите, совѣтоваль швейцаръ.— Наши взысканья казенныя, только вѣдь для одного страха. Ими лѣниваго не проймешь. Вы дома розгами его жиганите розочка два въ мѣсяць. Вотъ и наладится все...

Но Сивцовъ, объяснившись съ сынишкой, не жигануль

его, а загрустил. Мальчикъ клялся, что не можетъ ничего сдѣлать. Выучить урокъ, и деть, знаетъ, а начнетъ учитель спрашивать, выходитъ что онъ ничего не знаетъ.

— Придвараются! думаль Сивцовъ. — Будь дворянинъ, либо кушца богатаго сынъ—была бы другая совсѣмъ матерія.

Петька увѣряль, однако, что его товарищи такого объ немъ мнѣнія, что онъ прилеженъ, да тупъ. Надзиратель это имъ и ему объяснилъ.

— Охота есть, да мозговъ мало! сказалъ Петька, передавая слова надзирателя. При этомъ онъ спросилъ у отца, что такое мозги?

— Въ головѣ они—мозги.

— Да что оно собственно... И сколько ихъ должно быть въ головѣ? Дюжина, что ль, аль болѣе...

Сивцовъ долго глядѣль сыну въ лицо, но ни слова не отвѣтилъ, а затѣмъ подумаль и сказалъ:

— Ничего. Обойдется!

Почти каждую субботу, вечеромъ, Петька ходилъ въ лавку за братомъ и оба шли ночевать домой. Воскресенье проводили они вмѣстѣ, передавая обоудно впечатлѣнія недѣли. И въ итогѣ бесѣдъ была зависть одного брата къ другому.

Одинъ изъ двухъ смутно сознаваль, что его доля хуже, что ему досталась по милости отца горькая чаша, которую онъ только началъ отпивать отъ краевъ, а дна ей не видно.

Этотъ завистникъ былъ „емназистъ“, любимецъ отца. Разумѣется, Федосѣй Ивановичъ, подслушивавшій говоръ сыновей и угадывавшій ихъ тайные помыслы, усмѣхался многозначительно и думаль про себя:

„Будь у меня деньги, я бы васъ обоихъ въ люди направилъ, а не въ мужики“.

Сивцовъ много и часто думаль теперь о томъ, какъ выручить младшаго сына изъ „побѣгушекъ и лавочныхъ паренковъ“. Онъ не хотѣль, чтобы Павелъ оставался въ овощной лавкѣ, и ужъ если нельзя его опредѣлить въ гимназію по его малограмотности, то по крайней мѣрѣ отдать его въ обученье мастерству. Жена настаивала тоже на выборѣ болѣе благороднаго ремесла для сына—къ часовщику или къ кондитеру. Для нея почему-то часы и конфеты представлялись всегда особенно хорошими предметами... Особенно конфеты. Несомнѣнно, что Павелъ вышелъ бы изъ міра москательныхъ и бакалейныхъ товаровъ въ міръ сладкихъ печеній или часовой механики, но судьба не захотѣла этого.

Однажды не старый и никогда не болѣвший въ жизни Оедосѣй Иванычъ пришелъ домой, жалуясь на страшную боль въ груди. Черезъ три дня онъ былъ безъ памяти, и по совѣту сосѣдей жена рѣшила, скрепя сердце, свезти его въ больницу...

Черезъ двѣ недѣли послѣ этого, придя навѣстить мужа, женщина узнала, что ей предлагаютъ за мужа хорошія деньги, если она отдастъ его на взрѣзъ докторамъ.

— Очень ужъ имъ любопытно его нутро! объяснили ей отставной солдатъ, прислуживавшій въ больницѣ.

— Да коли взрѣжутъ — да онъ помретъ? спросила женщина.

— Да онъ ужъ упокойникъ! Что ты дура. Аль ты думала онъ жить можетъ? У него пречудная болѣзнь была, Другой бы въ одинъ день померъ, а онъ двѣ недѣли упирался...

Женщина не согласилась на взрѣзъ мужа. Поэтому его взрѣзали безъ ея вѣдома и прочитавъ надъ нимъ замѣчательную лекцію студентамъ, возвратили ей уже „потрошеннаго“.

Смерть Сивцова поставила вдову съ дѣтьми въ трудное положеніе. Весь доходъ на прожитокъ состоялъ въ томъ, что онъ выработывалъ, будучи мастеромъ на всѣ руки. Прежде всего приходилось продавать не оплаченный еще вполнѣ домъ, братъ старшаго сына изъ гимназіи и итти жить въ наемную квартиру.

Но судьба помогла... Бездѣтная вдова генеральша, жившая по сосѣдству, узнавъ объ участи семьи Сивцова, явилась на помощь, предложивъ взять къ себѣ Петю и платить за него въ гимназію. Вдова согласилась и, продавъ домикъ, переехала въ нанятый уголъ. Пашка, конечно, остался у лавочника, но уже и жилъ у него въ качествѣ настоящаго батрака, т. е. помимо прежняго дѣла мелъ полы и ѣздилъ съ бочкой за водой. Черезъ полгода барыня уѣхала въ Малороссію, но взяла съ собой и Петю, обѣщая не оставлять его, обучать и въ люди вывести.

Барыня была добрая. Помимо Пети, у нея была на воспитаніи дѣвочка изъ цыганокъ, были три удивительныя кошки, шесть собакъ, канарейки, бѣлки и попугай. Были и три компаніонки...

Сивцова прожила пять лѣтъ послѣ мужа и видѣла какъ изъ Пашки вышелъ отличный прикащикъ, смышленный, толковый, порядливый.

— Просто золото паренѣ говорилъ про него лавочникъ, и уже платилъ золоту десять рублей въ мѣсяцъ. Если бы Пашка былъ пожаднѣе, то потребовалъ бы у хозяина и получилъ бы вдвое больше.

Старшаго сына Сивцова уже не увидала. Она умерла, зная, однако, что ему не только не худо у генеральши, но даже отменно хорошо какъ.

III.

Прошло всего восемь лѣтъ, и однажды осенью въ овощную лавку явился незнакомый молодой баринъ, въ сѣромъ пальто, худощавый и блѣдный, и спросилъ Павла Сивцова.

Прикащика въ лавкѣ не было; онъ отлучился по дѣлу на Козье Болото.

— Вамъ, господинъ, на что нуженъ Павелъ Федосѣичъ? спросилъ у пришедшаго молодой паренѣ изъ-за прилавка.

— Нужно видѣть...

— По торговлѣ... Тамъ самъ хозяинъ дома.

— Нѣтъ. Мнѣ нужно по особому дѣлу, свысока отозвался баринъ.—Я зайду вечеромъ опять.

И онъ ушелъ.

Это былъ Петръ Сивцовъ, прибывшій наканунѣ въ Москву.

Сивцовъ, окончивъ курсъ въ губернской гимназіи, пріѣхалъ въ Москву поступать въ университетъ. Благодѣтельница барыня, взявшая его на свое попеченіе, продолжала озабочиваться его судьбой неослабно и упрямо. Еслибы не эта женщина, добрая, простодушная и далеко не энергическая, но упрямая, то Петръ давно бы уже бросилъ ученіе. Еще въ четвертомъ классѣ его брало сомнѣніе, осилить ли онъ ту грамоту, чрезъ которую въ „люди“ выходятъ. Онъ уже сознавалъ ясно, что много силъ потрачено имъ въ борьбѣ съ недающеюся наукой или дающеюся съ бою. Онъ видѣлъ, что его товарищи идутъ и подвигаются легко, гораздо легче, чѣмъ онъ. Иной товарищъ учить полчаса тотъ урокъ, надъ которымъ онъ, Петръ, сидитъ три и четыре часа. А знаетъ онъ его хуже товарища.

Въ пятомъ классѣ онъ остался на второй годъ, и затѣмъ, при переходѣ въ шестой, ему предлагалъ богатый помѣщикъ мѣсто управителя огромнаго имѣнія, съ большимъ жалованьемъ.

Когда Петръ заявилъ, что онъ въ сельскомъ хозяйствѣ ничего не смыслить, то помѣщикъ хохоталъ, говоря:

— То-то и дорого. Воровать же будешь. Ты знаешь ли, другъ любезный, что значить: агро-номъ?

— Знаю! Это греческое слово и...

— Ну тамъ греческое или персидское, мнѣ все едино. А знаешь ли, какъ его по-русски перевести надо?

— Нѣтъ. Дайте подумать.

— Зачѣмъ! Я тебѣ переведу. Агрономъ значить: разоритель. А ты коли ничего не смыслишь въ агрономіи, то, стало, воровать не будешь и мудрить не будешь и стало и меня не разоришь.

Петръ почти согласился... Но барыня благодѣтельница уперлась... Какъ же это? Шестъ лѣтъ какъ она порѣшила и ждетъ, что Петръ будетъ студентомъ и на службу поступить, а тутъ вдругъ въ управители имѣнія онъ пойдетъ и съ званіемъ мѣщанина останется. И Сивцовъ продолжалъ лямку тянуть и дотянулъ ее до университета. Но эта лямка потеряла ему бока, да и ни одни бока. А потеряла разумъ и сердце.

За это же время братъ Пашка былъ уже давно въ лавкѣ Павломъ Федосѣичемъ и уже не бѣгалъ на посылкахъ, а самъ гонялъ и за вихры дралъ двухъ мальчугановъ, взятыхъ хозяиномъ въ обученье. Павелъ былъ правая рука хозяина да и пожалуй „обѣ“ руки, такъ какъ лавочникъ не въ мѣру раздобрѣлъ, облѣнился и улыбался на встрѣчу покупателю уже не добродушно, а сонливо. Извѣстный кушъ, скопленный и лежащій мирно въ банкѣ, сильно усыплялъ лавочника.

Павелъ Сивцовъ со своей стороны бойко, честно и со смѣлкой велъ дѣло хозяина, но уже начиналъ подумывать и о себѣ... Онъ скопилъ изъ жалованья малую толику денегъ, да отъ покойной матери имѣлъ триста рублей. Всѣ поставщики лавочника его любили и уважали. Всѣ знали, что лавка облѣнившагося мѣщанина только и держится что приказникомъ. И всѣ они, будто сговорясь, совѣтывали молодцу „отойти и свое заведеніе открыть“, при чемъ, конечно, обѣщали свой кредитъ въ волю... Но такъ прошло болѣе года... Павелъ Сивцовъ колебался. Мысль начать свое дѣло конечно пріятно щекотала самолюбіе, и ему не разъ слышалось во снѣ, что его будто кто-то называетъ „хозяинъ“. Но боязнь почина брала верхъ. Павелъ по натурѣ ненавидѣлъ „журавля въ небѣ“.

„А ну, прогоришь? Послѣднія деньжата ухнешь, и ступай опять въ приказчики къ новому хозяину, злому или пьяному. Этотъ, по крайности, добрый и ласковый“.